

Зарубежный опыт. Международное сотрудничество**ЗАПАДНАЯ АФРИКА ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ КУРСЕ
КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Статья рекомендована к публикации членом редакционного совета Ершовой Т. В. 15.06.2025.

Науменко Тамара Васильевна

*Доктор философских наук, профессор экономики, профессор
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет глобальных процессов
Москва, Российская Федерация
t-naumenko@yandex.ru*

Коновалов Лев Георгиевич

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет глобальных процессов,
магистрант
Москва Российская Федерация
konovalonlev@gmail.com*

Аннотация

Глобальное измерение современного информационного общества привело к возникновению взаимодействий самых разных государств, культур и народов, иногда очень удаленных друг от друга. Цель статьи – выявление в рамках современного общества модели партнерства КНР с одним из наиболее удаленных регионов, Западной Африкой. Данный политический подход сконцентрирован вокруг поддержания трансконтинентального партнерства по линии Юг-Юг особенностью которого является такая форма развития, при которой рост научно-исследовательского потенциала страны происходит параллельно с экономическим потенциалом для адекватной трансформации содержания взаимодействия в условиях нелинейных процессов глобализации, информатизации и интеграции в XXI веке. В результате проведенного исследования подтвердилась направленность КНР на укрепление в современном информационном пространстве всестороннего взаимодействия с государствами Западной Африки, но также обнаружилось значительные проблемы на макроуровне в области миграции и юрисдикции

Ключевые слова *КНР, ЭКОВАС, сотрудничество Юг-Юг, Западная Африка, глобальное пространство, политическое взаимодействие*

Введение

XIX съезд коммунистической партии Китайской Народной республики 2017 г. Стал, во многом, откровением для исследователей в области международных отношений ввиду того, что государство в одностороннем порядке приняло новую парадигму международного партнерства и установило цели формирования «общества единой судьбы», имеющего глобальное измерение. По заявлению председателя КНР Си Цзиньпина, «Китай всегда будет принадлежать к развивающимся странам» вне зависимости от мировой конъюнктуры и положения Поднебесной в ней. Китайская экономика остается фабрикой мира, создателем ключевых продуктов для жизнедеятельности, обеспечивая собственный народ благосостоянием среднего достатка, а международное сообщество – конкурентоспособными товарами и услугами по всем ключевым направлениям хозяйства. При этом, в экономике КНР значительную роль играет наукоемкий подход (Китай тратит 2,6% ВВП на НИОКР, что в абсолютных значениях более 3,6 трлн. юаней или 502 млрд. долл. США [11], что позволяет держать паритет с США или приближаться к нему в ключевых хай-тек областях, востребованных сегодня в мире. Таково экономическое содержание установки на сохранение статуса развивающейся державы, т.е. державы имеющей четкий курс и движущейся по нему

© Науменко Т. В., Коновалов Л. Г., 2026

Производство и хостинг журнала «Информационное общество» осуществляется Институтом развития информационного общества.

Данная статья распространяется на условиях международной лицензии Creative Commons «С указанием авторства - С сохранением условий версии 4.0 Международная» (Creative Commons Attribution – ShareAlike 4.0 International; CC BY-SA 4.0). См. <https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode.ru>

https://doi.org/10.52605/16059921_2026_01_173

планомерно, ежеквартально отмечая рост основных макроэкономических показателей. С политической же точки зрения, китайская позиция «по центру» является очевидной претензией на лидерство в современном глобальном мире среди представителей Глобального Юга. Распространение китайского влияния на географически отдаленные территории происходило постепенно последние 80 лет. В частности, огромное влияние Китай оказывает на Западную Африку – регион, принадлежащий к области Африки Южнее Сахары (АЮС), являющийся в постиндустриальном обществе одной из самых депрессивных областей земного шара. Изучение вопроса партнерства, складывающиеся между КНР и дифференцированным составом Западной Африки, представляет интерес не только как форма партнерства на удалении, свойственного для глобализировавшихся международных отношений, но и как составная часть китайской внешнеполитической стратегии, являющейся гибкой и представляющей особый интерес для российского исследователя в связи с установленным между Москвой и Пекином договором о стратегическом партнерстве, а также, как было отмечено ранее, все четче демонстрирующей претензию на установление в информационном обществе глобального императива международного обмена.

1 История развития китайской африканистики

Становление китайской африканистики происходило в период деколонизации, когда более пятидесяти африканских наций вышли из-под колониальной зависимости западных держав, что было связано не только с лишением европейских наций, находящихся в условиях послевоенного упадка, возможностей поддерживать сеть своих развернутых колониальных администраций на иных континентах, но и волной национально-освободительных движений, вспыхнувших повсеместно и имевших широкую народную и международную поддержку. Одним из немаловажных факторов освобождений африканских, азиатских, латиноамериканских народов из-под колониальной зависимости было то влияние, которое оказывал СССР на международное сообщество в те годы. Вслед за СССР, принявшим решительные меры по оформлению систематического институционально подкрепленного проекта научного изучения Африки *in situ*, КНР в лице Мао Цзэдуна приняла аналогичное решение. В 1964 г. в рамках Китайской Академии Наук был основан институт исследований Западной Азии и Африки, помимо этого были открыты Институт исследований Азии и Африки Пекинского университета и Лаборатория географии Африки Нанкинского университета. Развернутая структура исследовательских организаций вскоре привела к практическим результатам. В 1990-е гг. были введены так называемые четыре торговые инициативы в товарном обмене с африканскими государствами - «диверсификация рынка», «ориентированность на качество», «крупная торговля» и «содействие торговле посредством науки и технологий» («市场多元化”“以质取胜”“大经贸”和“科技兴贸”四大外贸发展战略,以及扩大合作领域) [9, с. 11]. Для сближения позиций наций и оперативного разрешения противоречий в 1996 были созданы первые двусторонние форумы с такими странами как Бенин, Египет, Мадагаскар. Необходимо отметить, что наряду с Египтом, государством, соединяющим пространства Магриба и Ближнего Востока, но, что важнее, располагающим Суэцким каналом, национализированным в 1956, и Мадагаскара, логистического хаба восточного побережья и поставщика всех основных сельскохозяйственных продуктов континента, в списке пионеров фигурирует Бенин – небольшое государство на берегу Гвинейского залива. Западная Африка была одним из ключевых направлений развития двусторонних связей.

В настоящее время это так же актуально, в частности, 1 сентября 2023 года между КНР и Бенином подписано соглашение о стратегическом партнерстве [4]. Несмотря на то, что сам Китай указывает на незначительный экономический потенциал и политическую нестабильность, концентрацию на реэкспорте своего ключевого партнера в Западной Африке, инициативность и стратегическое положение Бенина позволяет активно продвигать инициативы “Одного пояса - одного пути” по сети с Нигерией, Ганой, Кот-д’Ивуаром (Нигерия - углеводороды, Кот-д’Ивуар – сельскохозяйственная продукция, Гана – цветные металлы).

В XXI в. рост интереса к континенту был соразмерен росту и укреплением самого Китая. Под руководством председателя Цзян Цзэминя и премьера Чжу Жунцзи в 2000 г. был создан Форум по сотрудничеству Китай-Африка (при этом в США такой форум впервые провели только при администрации Б. Обамы в 2014 г., а в России первый форум Россия-Африка состоялся в 2023 г. в Санкт-Петербурге). Институт «Китай-Африка» был создан председателем КНР Си Цзиньпином на

Пекинском саммите Форума китайско-африканского сотрудничества в 2018 году. На современном этапе Китай располагает 46 торговыми представительствами в АЮС, 5 военными базами различного назначения, а общая капитализация проектов «Одного пояса – одного пути» в Африкекратно превосходит капитализацию всех проектов ВБ, МФ и ВТО, которые имели место в регионе.

Принципиальным вопросом является современная модель, положенная в основу развития Китайской африканистики. При создании собственной школы регионалистики в целом и африканистики в частности, китайские лидеры старались превзойти американскую, ключевой проблемой которой называли примат обслуживания политических целей при исследованиях и предвзятую практичность, возникшую из условий противостояния в годы Холодной войны (美国的地区研究起因于冷战,具有明显的政治目的及带有偏见的实用性)[9, с. 12]. Одной из сильных сторон китайского подхода в африканистике было то, что китайские академические круги гордились еще имперскими контактами с Африкой. «Цзинсинци» Ду Хуаня из династии Тан и «Чжуфаньчжи» Чжао Жоши из династии Сун, работы разных авторов династии Цин [9, с. 12], многие знаменитые китайские трактаты были посвящены или касались темы взаимодействия Китая и Черного континента, а, значит, это взаимодействие было «вшито» в культурный код, отказаться от которого, как и использовать в сиюминутных политических устремлениях, китайская политическая философия запрещает.

Однако, что важнее, на сегодняшний день ядром китайской африканистики выступает антизападность подходов к изучению истории, за которую ратуют китайские специалисты, особенно истории отдельных отраслей человеческой жизни и знания. Антон Амо, Ибн Баттута, Ибн Хальдун - имена африканских мыслителей разных эпох, внесших значительный вклад в развитие философии, теории международных отношений, в прикладные науки отрывочно фигурируют в западной универсальной школе исторической мысли, точно также, как китайские мыслители после Конфуция и Лао-Цзы.

Изучением Африки в Новом Китае занимались четыре поколения ученых, зарекомендовавшие себя в XXI веке и представляющие собой уже четвертое поколение [9, с. 22]. Главная трансформация, которую пережила китайская африканистика - отказ от идеологической базы в исследованиях, выведение дискурса из области правил пролетарско-крестьянской антиимпериалистической борьбы и обрамление в основные механизмы современной экономической и юридической конъюнктуры, имеющей принципиальное значение для КНР - крупной региональной державы с собственными территориальными конфликтами и пограничными спорами (Индия, Вьетнам).

В современных условиях в Китае придерживаются так называемой парадигмы глобальных африканских исследований (即全球非洲研究范式) [9, с. 29]. Важно отметить четырехсоставность данной парадигмы: распределение персонала, объективные условия, субъективные условия и академическое сообщество. (这种范式由四个方面组成:人员分布、客观条件、主观条件和学术共同体) [9, стр. 27]. Такой подход для Африки, основная масса интеллигенции которой на протяжении столетий предпочитала учиться и работать за рубежом, близок и понятен. С точки зрения современного китайского информационного подхода, интернационализация африканского дискурса полезна континенту, ведь в условиях глобализации появляется уникальный шанс диверсификации внешних агентов, поставщиков, дистрибьюторов не только экономических благ, но и стратегических ресурсов, таких как энергетика, безопасность, СМИ. Такой подход, по существу, нивелирует значение уже устоявшегося важного девиза Африканского Союза «африканским проблемам – африканское решение», однако, вхождение в конфронтацию стараются избежать, обращая внимание на то, что абсолютное большинство проектов, где не проводилась основательная рекогносцировка «на земле», проваливалось.

XIX съезд Коммунистической партии Китая, состоявшийся в октябре 2017 года, имел большое значение, ведь на повестке дня стоял вопрос об избрании генерального секретаря партии. В связи с этим большое внимание было уделено успехам, которого достигла страна под руководством Си Цзиньпина. Несмотря на подтверждение приверженности курсу, заложенному КПК, нашлось место и коренным изменениям нарратива. До сих пор последовательно работая в рамках обозначенной Д. Сяопином стратегии «держаться в тени и не демонстрировать собственный потенциал», Китай в рамках XIX съезда КПК трансформировал ее и не только представил свою претензию на международное влияние и всестороннее включение, но и обозначил, так называемый, «новый тип международных отношений», который представляет собой отход от альянсов времен

холодной войны, которых, как считают в Поднебесной, продолжают придерживаться в условиях однополярного мира, медленно трансформирующего принципы лидерства в нем. (所谓新型国际关系, 就是与冷战期间结盟对抗所不同的一种“结伴而不结盟、合作而不对抗”的关系) [8, с. 16]. Один из 14 основных принципов социализма с китайской спецификой, призывающий «людей всех стран работать вместе ради построения общего будущего человечества» (社会主义的14条基本方略之一, 呼吁“各国人民同心协力”) [там же], дает приблизительный ответ на содержание выдвигаемой революции взаимодействия. С позиции КНР, внешняя политика государства даже в глобальном информационном обществе независима, то есть не подлежит влиянию со стороны других государств, но при этом полностью подчинена внутренней политике (моральный реализм Яна Сюэтуна).

2 Современная экономическая политика КНР в Западной Африке: позиции и барьеры

Как было отмечено выше, современная китайская внешнеполитическая стратегия провела трансформацию с подкрепленной идеологией правил в сторону права, что подчеркивается озвученным подходом в региональной программе, представленной на съезде. Так было установлено, что Китаю следует укреплять сотрудничество с Африканским союзом не на основе социалистической солидарности рабочих народов, а в рамках Повестки дня на период до 2063 года, основным стратегическим документом, разработанным Африканским Союзом и Аддис-Абебской программы действий, резолюцией, принятой Генеральной Ассамблеей ООН о финансировании африканских проектов и других африканских правовых рамок сотрудничества [6].

Важное значение во всех программных документах занимает не только межстрановое взаимодействие, но и работа на базе крупных экономических региональных блоков. ECOWAS - Экономическое сообщество стран Западной Африки. Первоначальное соглашение между 16-ю участниками было подписано в Лагосе (Нигерия) в 1975 г., в 1993 г. было переосмыслено и заключено заново между нынешними 15-ю странами-участницами в Котону (Бенин). Несмотря на свою однополярную структуру и неэффективную модель развития, ЭКОВАС продолжает являться аналитическим центром, позволяющим агрегировать комбинации относительных преимуществ участников в своей структуре для участия в проектах на многосторонней основе, предлагая внешним акторам “подушку безопасности” в заключении договоров с партнерами региона, нивелируя риски двустороннего соглашения. Анализ динамики торговли КНР с этой организацией позволяет выявить интересы Китая в регионе, а также факторы, способствующие развитию или снижению темпов товарного обмена. Торговля сельскохозяйственной продукцией достигла своего пика в 2012 г., основными товарами, экспортируемыми из стран ЭКОВАС в Китай, были рыба, каучук, масличные культуры, общий объем экспорта превышает 1,2 млрд долл. США. Основными драйверами роста являются растущий китайский рынок потребления и рост сельскохозяйственных земель государств-членов объединения. Несмотря на то, что после 2014 г. наблюдается стагнация темпов обмена, связанная в том числе с недостаточным уровнем китайских перерабатывающих мощностей, делающим невыгодным переработку товаров, которые проходят значительный путь, используя недостаточно развитые логистические маршруты. Поэтому перспектива сотрудничества на высоком уровне дрейфует в сторону проектов Одного пояса - одного пути. К таким, в первую очередь, относится Транс-Западноафриканское прибрежное шоссе, предусматривающее строительство шестиполосного шоссе протяженностью более 4 тыс. км, соединяющего одиннадцать прибрежных стран зоны ЭКОВАС [2]. Однако сельскохозяйственная продукция не является основой экспорта стран ЭКОВАС в Китай, у большинства стран на первом месте в этом отношении находятся цветные металлы, в первую очередь, золото, у Нигерии и Гамбии помимо золота высокую долю торговли занимают углеводороды. По данным ОЕС, именно за счет продуктов горнодобывающей промышленности экспорт Западной Африки в Китай устойчиво рос в период 2016–2023 гг., увеличившись более чем в 3 раза с 4,03 млрд долл. США до 13,8 млрд долл. США [5]. При этом торговля дифференцируется, Китай не опирается на отдельных привилегированных партнеров, а захватывает в сеть контрактов регион в целом, так, несмотря на общий рост торговой активности, наблюдалось снижение годового экспорта в Нигерию, крупнейшего игрока в Западной Африке, на 3,1 млрд долл. США в 2023 [3].

Несмотря на то, что основные положения нового видения КНР в мировой политике и африканская стратегия (ее западноафриканское выражение) отлично дополняют друг друга, на микроуровне, по прошествии первой четверти XXI века, начинает сказываться не только

«перепроизводство» экономики Китая и осложнение сохранения лидерства по темпам производства, но и классическая для африканского региона проблема долговой ловушки. В отношении Китая структура данной экономической диспропорции легко отслеживается на базе данных об объеме торговли за последние 10 лет. В соответствии с информацией, агрегированной Статистическим отделом Организации Объединённых Наций в UN Comtrade Database, возможно сделать следующие выводы. Абсолютные показатели экспорта масштабируются соразмерно партнерам на Африканском континенте, достигая 1,7-2 млрд долл. с Нигерией, 0,8-1,4 млрд долл с Ганой, значительно меньшего объема с другими странами региона. Экспорт упал из Бенина, Сьерра Леоне, Того, незначительно вырос у Нигерии, достаточно значительно у Ганы, более чем в 2 раза вырос поток товаров из Гамбии, в 5 раз из Кот-д'Ивуара, из Сенегала и Гвинеи-Биссау возрос на порядок, а с Кабо Верде вышел с незначительных показателей на существенные для островного государства объемы (Табл. 1).

Таблица 1. Экспорт Китая в страны ЭКОВАС, млн долл. США

Страна	2014	2018	2023	2024	Абсолют. изменение	Относит. изменение
Кабо-Верде	0,00	-	2,98	-	2,98	826 333,80
Бенин	95,42	-	-	46,41	-40,01160	-51,36
Гамбия	7,57	-	-	13,03	30,46	138,05
Гана	830,20	-	1 376,61	-	546,40	65,82
Кот-д'Ивуар	148,70	-	-	728,95	585,25	47,27
Нигерия	1 689,69	-	-	2 025,62	355,98	21,32
Гвинея-Бисау	1,73	71,32	-	-	69,39	4 015,09
Сенегал	40,00	-	-	76,87	5,85	1 692,10
Сьерра-Леоне	24,28	37,48	-	-	-203,7599	-844,47
Того	23,54	-	-	14,83	-6,70338	-31,13

Составлено авторами на основании [7].

Абсолютные показатели импорта из Китая в западноафриканских странах также масштабируется соразмерно национальным экономикам, достигая 10 и 2-3 млрд в таких странах как Нигерия и Гана, при этом находясь на уровне 3-30 млн. для карликовых и островных государств региона. Важно отметить, что Нигерия является единственной из рассматриваемых государств, где объем китайского импорта снизился, хоть и всего на 6,2%, в то время как в остальных случаях, уровень показал стабильный рост, достигший за 10 лет 50-150% в среднем по региону. Торговый профицит Китая с партнерами из ЭКОВАС очевиден, за последние 10 лет его объем остался наибольшим с региональными «гигантами» – Нигерией и Ганой, также важно отметить кейс Кот-д'Ивуара, в торговом балансе которого с Китаем образовался значительный провал, превосходящий 1 млрд долл. Нигерии и Гвинеи Биссау удалось сократить разрыв торговых балансов, но это незначительно повлияло на общий рост китайского профицита в 1,4 млрд долл. Отмечается высокая дифференциация в динамике и нелинейность подходов к торговле с Китаем как крупных экономик региона, так и меньших (Табл. 2).

Таблица 2. Импорт Китая из стран ЭКОВАС, млн долл. США

Страна	2014	2024	2023	2018	Абсолютная разница 2014 – наст. период	Отношение 2014 – наст. период, %
Кабо-Верде	31,36	47,68	-	-	16,32	52,03
Бенин	285,47	429,30	-	-	143,83	50,38
Гамбия	31,91	85,99	-	-	54,08	169,48
Гана	2 252,09	-	3 072,82	-	820,73	36,44
Кот-д'Ивуар	975,24	2 737,37	-	-	1 762,13	180,69
Нигерия	10 201,90	9 565,57	-	-	-636,33	-6,24
Гвинея-Бисау	3,46	-	-	9,32	5,86	169,68
Сенегал	473,85	1 345,35	-	-	871,50	183,92
Сьерра-Леоне	169,21	-	-	197,95	28,74	16,99
Того	339,60	670,11	-	-	330,51	97,32

Составлено авторами на основании [7].

Очевидно, что вопрос торгового баланса для Африки имеет принципиальное значение, ведь, как было доказано неоднократно, дефицит во внешней торговле имеет прямое воздействие не только на бизнес-среду на микроуровне, но и негативно влияет на процесс модернизации промышленности в целом. В настоящее время данный вопрос стоит как никогда остро, ведь после подписания акта, обнуляющего тарифы для африканского экспорта в КНР в июне 2025 г., разрыв достиг 60 млрд долл. США [4], из которых, по крайней мере, 1,4 млрд, как следует из исследованных данных, приходится на страны ЭКОВАС (Табл.3).

Таблица 3. Торговый баланс Китая со странами ЭКОВАС, млн долл. США.

Страна	2014	Абсолютная разница 2014 – наст. период	Отношение 2014 – наст. период, %
Кабо-Верде	31,36	44,70	13,34
Бенин	190,05	382,89	192,84
Гамбия	24,34	67,97	43,63
Гана	1 421,88	1 696,22	274,33
Кот-д'Ивуар	831,54	2 008,42	1 176,89
Нигерия	8 532,21	7 539,95	-992,26
Гвинея-Бисау	1,72	-62,01	-63,73
Сенегал	433,85	628,48	194,63
Сьерра-Леоне	-772,065	160,47	232,54
Того	318,07	655,28	337,21

Составлено авторами на основании [7].

Снижение диспропорции через введение тарифов и квот для АЮС невозможно ввиду подписанных соглашений о наибольшем благоприятствовании, а также высокого уровня прямых иностранных инвестиций Китая в страны региона. В связи с этим, широкое распространение

получили меры неэкономического регулирования, например, правовых ограничений. Важно отметить, что на данный момент страны Африки имеют, в среднем, уровень нетарифного регулирования импорта на уровне ниже среднемирового [5, с. 10–11]. В рамках АЮС ярким выражением изменения правового поля взаимодействия является новый закон об иммунитете иностранных государств. Иностранные государства, как правило, имеют право на иммунитет от юрисдикции другого государства, это называется иммунитетом иностранного государства. В соответствии с Законом, в некоторых случаях иностранным государствам не предоставляется иммунитет. К ним относятся дела, связанные с коммерческими сделками, трудовыми договорами, телесными повреждениями и правилам владения имуществом. В Африке отмечается разнообразие в степени принятия ограничительного иммунитета – некоторые африканские страны более восприимчивы к ограничительному иммунитету. В некоторых странах наблюдается относительно высокая степень институционализации изъятий из ограничений, в то время как другие только начали вставать на путь изъятий из ограничений. В настоящее время абсолютный иммунитет действуют только в Эритрее, Южном Судане, Ливии и Эфиопии, есть специальные законы, регламентирующие ограниченный иммунитет в ЮАР и Малави. Десять африканских стран приняли ограничительную позицию в отношении иммунитета через судебные разбирательства, включая Египет, Зимбабве, Ботсвану, Лесото, Мадагаскар, Мали, Гану, Того, Нигерию и Бурунди. С точки зрения КНР, основной проблемой ограничения иммунитета является “политизация исков при ограничении иммунитета собственности иностранных предприятий” (对中国主权性实体提起诉讼 本质是为了实现个别人或组织的政治目的) [10, стр. 16]. В прошлом, когда китайские государственные предприятия предъявляли иски в иностранных судах, они, как правило, заявляли о государственном иммунитете, чтобы свести к минимуму риск возникновения споров. Чтобы снизить риск и убытки от проигрыша дела, этот подход не был поддержан китайским правительством, поскольку оно всегда выступало за то, что государственные предприятия – это рыночные субъекты, которые несут юридическую ответственность самостоятельно и должны быть отделены от самого китайского правительства.

В этой ситуации существуют различия в академических взглядах. Одна точка зрения заключается в том, что государственные предприятия могут выиграть только в отдельных случаях, выступая за государственный иммунитет, но это нанесет ущерб общей конкурентной среде китайских государственных предприятий за рубежом. Государственным предприятиям рекомендуется отказаться от иммунитета в отдельных случаях в обмен на честную и справедливую конкурентную среду. Другая точка зрения заключается в том, что отстаивание иммунитета государственными предприятиями является законным шагом для защиты их собственных законных прав и интересов и избегания потерь [10, с. 18–19]. Ключевая проблема рассмотрения исков по иммунитету иностранного государства (и государственных компаний, действующих за рубежом, что норма с учетом политико-экономической системы Китая и полумонопольного положения ряда национальных производств, например, СОFCO) состоит в возможности использования т. н. механизма дипломатического мнения. Такая система, позволяющая проводить дополнительные многочисленные консультации по вопросу иска на дипломатическом уровне, с одной стороны, является «предохранительным клапаном» для африканских стран, позволяющим контролировать риски в международных отношениях и судебных разбирательствах по вопросам иммунитета, а с другой – мерой давления и использованием превосходящей кадровой и исследовательской базы Китая для продвижения позиции по отдельным спорным случаям. Первоочередной проблемой в данной конфигурации является как раз отказ от сформулированной философии китайской модели диалога, основанной на строгом соблюдении положения, предписываемого архитектурой правовых документов и главенства внутренней политики над внешней. Если бы данные положения соблюдались, то проводилась бы фасилитация процесса экономического обмена на основании положений ЭКОВАС о нетарифных ограничениях и китайской стратегии внешнеэкономического развития, а также государство всегда прибегало бы к реализации механизма дипломатического мнения. Ограничениями в удержании четкой позиции по данному вопросу является, с африканской стороны, фрагментарность имплементации установленных на региональном уровне мер нетарифного регулирования, с китайской стороны, часто проявляющаяся неготовность государства отвечать за репетиционные издержки, которые несут за рубежом компании с государственным участием.

Заключение

Таким образом, подводя итоги проведенного исследования, следует отметить, что оно обладает как исследовательской (синтез экономического, политического и правового анализа на основе современных китайских источников), так и итоговой общенаучной новизной – по результатам изучения особенностей современного глобального геополитического информационного пространства в аспекте Западная Африка-Китай и выявления значения Западной Африки во внешнеполитической стратегии КНР, представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Китайские отношения с государствами Африки системно были установлены в 1960-е годы, чему способствовало не только процесс деколонизации и активное политическое влияние СССР на отдельные регионы Африки Южнее Сахары, но и собственная политическая воля председателя КПК Мао Цзэдуна, а также видных представителей научно-исследовательской и предпринимательской областей, заложивших основы китайской африканистики.
2. Особенность китайского подхода к исследованию Африки и работы с отдельными государствами со временем трансформировалась и отошла от антиамериканского идеологически инспирированного курса в сторону “глобального подхода”, основными чертами которого является: распределение персонала, объективные условия, субъективные условия и академическое сообщество.
3. Выдвинутая на XIX съезде коммунистической партии Китайской Народной республики позиция Китая о новой сущности международных отношений и цель о построении общества единой судьбы, инициатива «Одного пояса – одного пути» осложняются объективным стремлением африканских стран проводить модернизацию национальной промышленности.
4. Вектор всеобщего экономического партнерства Китая в регионе может быть осложнен внутрорегиональными центробежными силами (приход к власти военной хунты в Буркина-Фасо, оппозиции в Сенегале, оформление Организации Государств Сахеля в противовес ЭКОВАС) и общемировым трендом к экономической деглобализации (ниаршоринг, закрытая интеграция, дальнейший слом правил ВТО), что уже частично проявляется в наиболее чувствительных областях, например, в снижении торговой активности.

Литература

1. Abdullahi B.N., Dingchou M., Yeboah F.K., Ibrahim H.Yu. Econometric Analysis of China-ECOWAS agricultural products trade // *Agribusiness • Cienc. Rural*. 2023. Vol. 53, No. 1. URL: <https://doi.org/10.1590/0103-8478cr20210556>.
2. Chiedozie P., Nwosu Aloh J., Ngwuta Okechukwu E., et al. Nigeria-China Relations and Economic Development // *African Journal of Politics and Administrative Studies*. 2024. Vol. 17, No. 1. URL: <https://doi.org/10.4314/ajpas.v17i1.37>.
3. China's Exports to Africa Are Soaring as Trade to U.S. Plunges // *The New York Times* : [сайт]. 2026. URL: <https://africa.businessinsider.com> (дата обращения: 11.02.2026).
4. Global Times: China, Benin build strategic partnership // *Global Times* : [сайт]. 01.09.2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202309/1297406.shtml> (дата обращения: 17.05.2025).
5. Non-tariff measures and deep regulatory integration in the African Continental Free Trade Area. UNCTAD UN, 2024. 67 p.
6. ОЕС: ECOWAS [Электронный ресурс]. URL: https://oec.world/en/profile/international_organization/ecowas (дата обращения: 17.05.2025).
7. UN Comtrade Database [Электронный ресурс]. URL: <https://comtradeplus.un.org/> (дата обращения: 17.05.2025).
8. 张清敏. 新时期的中国外交。十九大以来中国外交的理念、布局和特色 = Чжан Цинминь. Китайская дипломатия в новую эпоху. Концепция, структура и особенности китайской дипломатии после 19-го Национального конгресса // *中国国际战略评论 = Обзор международной стратегии Китая*. 2018. № 1. С. 14-25.

9. 李安山. 21 世纪以来中国的非洲研究: 成绩、困境与突破 = Ли Аньшань. Африканистика Китая с 21 века: достижения, дилеммы и прорывы // 国际政治研究 = Международные политические исследования. 2023. № 5. С. 9-27.
10. 韩秀丽, 张启扉. 非洲国家豁免立场的转向及中国因应 = Хань Сюли, Чжан Цифэй. Изменение позиции африканских стран в отношении ограничения иммунитета и реакция Китая // 西亚非洲 = Западная Азия и Африка. 2024. № 5. С. 3-21.
11. 中华人民共和国 2024 年国民经济和社会发展统计公报 = Статистическое сообщение Китайской Народной Республики о национальном экономическом и социальном развитии в 2024 году // 国家统计局 = Национальное статистическое агентство : [сайт]. 2025. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202502/t20250228_1958817.html (дата обращения: 12.02.2026).

WEST AFRICA IN THE FOREIGN POLICY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Naumenko, Tamara Vasilyevna

*Doctor of philosophy, professor of economics
Lomonosov Moscow State University, Faculty of global processes
Moscow, Russian Federation
t-naumenko@yandex.ru*

Konovalov Lev Georgievich

*Lomonosov Moscow State University, Faculty of global processes, master's student
Moscow, Russian Federation
konovalonlev@gmail.com*

Abstract

The global dimension of the modern information society has led to the emergence of interactions between very different States, cultures and peoples, sometimes very far from each other. The purpose of the article is to identify, within the framework of modern society, the prospects for strengthening China as a world power and one of the poles of the world order. For this purpose, special attention is paid to the content of the policy pursued by China in relation to the most remote regions, one of which is West Africa. This policy approach focuses on maintaining a South-South transcontinental partnership, which is characterized by a form of development in which the growth of the country's research potential occurs in parallel with the economic potential for an adequate transformation of the content of interaction in the context of nonlinear processes of globalization, informatization and integration in the XXIst century. The study confirmed the PRC's focus on strengthening comprehensive cooperation with West African States in the modern information space but also revealed significant problems at the macro level in the field of migration and jurisdiction.

Keywords

China, ECOWAS, South-South cooperation, West Africa, global space, political interaction

References

1. Abdullahi B.N., Dingchou M., Yeboah F.K., Ibrahim H.Yu. (2023) Econometric Analysis of China-ECOWAS agricultural products trade. *Agribusiness • Cienc. Rural*, 53 (1). Available at: <https://doi.org/10.1590/0103-8478cr20210556>
2. Chiedozie P., Nwosu Aloh J., Ngwuta Okechukwu E., Ibiam Felix M., Nwankwo Gabriel N., Ikpolo Harrison O., Iwuala. (2024) Nigeria-China Relations and Economic Development. *African Journal of Politics and Administrative Studies*, 17 (1). Available at: DOI: 10.4314/ajpas.v17i1.37
3. China's Exports to Africa Are Soaring as Trade to U.S. Plunges. (2026) *The New York Times* [Electronic resource]. Available at: <https://africa.businessinsider.com> (accessed: 11.02.2026).
4. Global Times: China, Benin build strategic partnership. (2023) [Electronic resource]. Available at: <https://www.globaltimes.cn/page/202309/1297406.shtml> (accessed: 17.05.2025).
5. Non-tariff measures and deep regulatory integration in the African Continental Free Trade Area. (2024) UNCTAD UN. 67 p.
6. OEC: ECOWAS [Electronic resource]. Available at: https://oec.world/en/profile/international_organization/ecowas (accessed: 17.05.2025).
7. UN Comtrade Database [Electronic resource]. Available at: <https://comtradeplus.un.org/> (accessed: 17.05.2025).
8. Zhang, Q.M. (2018) China's Diplomacy in the New Era. The Concept, Structure and Characteristics of Chinese Diplomacy after the 19th National Congress [Xin shiqi de Zhongguo wai jiao. Shijiu da yilai Zhongguo wai jiao de linian, buju he tese]. *Zhongguo Guoji Zhanlue Pinglun* [Review of International Strategy of China], No. 1, pp. 14-25. (In Chinese)
9. Li, A.S. (2023) African Studies in China since the 21st Century: Achievements, Dilemmas and Breakthroughs [21 shiji yilai Zhongguo de Feizhou yanjiu: Chengji, kunjing yu tupu]. *Guoji Zhengzhi Yanjiu* [International Political Studies], No. 5, pp. 9-27. (In Chinese)

10. Han, X.L., Zhang, Q.F. (2024) The Shift in African Countries' Position on Restrictive Immunity and China's Response [Feizhou guojia huan mian dichang de zhuanxiang ji Zhongguo yinying]. Xiya Feizhou [West Asia and Africa], No. 5, pp. 3-21. (In Chinese)
11. National Bureau of Statistics of China. (2026) Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2024 National Economic and Social Development [Zhonghua Renmin Gongheguo 2024 nian guomin jingji he shehui fazhan tongji gongbao] [Electronic resource]. Available at: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202502/t20250228_1958817.html (accessed: 12.02.2026). (In Chinese)